

ЛИБЕРАЛЫ

П. Н. МИЛЮКОВ

Третья годовщина

Третья годовщина большевистской тирании в России ставит опять перед нами вопрос, перед которым с особенным удивлением останавливаются иностранцы. Почему так долго? Не значит ли это, наконец, что Россия в самом деле приемлет большевизм больше, чем всякую другую форму правления? быть может, в самом деле, как собирается доказывать Уэльс, «большевизм есть для настоящего момента лучшее для России».

Итак, что поддерживает русский большевизм и что мешает его исчезновению?

Причин много. Я не ручаюсь, исчерпаю ли их под шестью рубриками, приводимыми ниже. Думаю все-таки, что главное здесь отмечено.

1) *Дурная историческая традиция.* Я мог бы здесь забраться далеко вглубь исторического прошлого, чтобы показать связь его с настоящим. Вместо этого я ограничусь на этот раз одним эмпирическим наблюдением.

Посмотрите на карту и отдайте себе отчет: в какой части России большевизм привился наиболее прочно? Вы увидите, что эта территория довольно точно совпадает со старым историческим центром русского государства: с тем московским центром, который ценой крепостного права и тяжких материальных жертв вынес на своей спине суровый процесс создания русской государственности.

Привычка подчинения и к терпеливому пассивному противодействию самым жестоким приемам самодержавного управления здесь сложилась давно и не успела еще исчезнуть при новых условиях жизни. Напротив, везде, во всех направлениях, как только вы переходите эту старую историческую черту: в северном Поморье, в Восточном Заволжье, Приуралье и Сибири, на южной территории новой колонизации, в Украине, на казачьих землях — везде

большевизм очень быстро вырождается и скоро гибнет, уступая место даже хаосу, если нет подходящего государственного центра.

2) *Недостаточный навык к организованному, коллективно-создательному отпору.* Это — другая сторона того же старого наследия. Опять, вместо длинной аргументации, ограничусь и здесь одним эмпирическим наблюдением. Госуд. Дума последнего десятилетия дала очень мало для роста политической сознательности в массах. И, однако же, спросите себя: кто оказался во главе решительно *всех* политических течений времени революции и «контрреволюции», начиная с крайних правых и кончая левыми, кроме крайних? Мы почти не видим новых имен. Все это — бывшие члены Госуд. Думы разных фракций. Массы не имели других вождей, кроме тех, которые дала им плохая Государственная Дума. Что было бы, если бы она была не плохая, а хорошая, и если бы она просуществовала не 10 лет с перерывами и с насильственным изменением государственного закона, а более продолжительное время и в составе, который хотя бы *так* соответствовал настроению населения, как соответствовала ему разогнанная первая Государственная Дума? Если в наличии первой причины прочности большевиков виновата история, то легко ответить, кто виноват в наличии второй причины.

3) *Боязнь потерять приобретенное революцией.* Нельзя преуменьшать значение этой третьей причины сравнительной прочности большевистской власти. Возбужденная крайними партиями социальная рознь составляла главную причину большевистского переворота. Благодаря этому фантому даже умеренно социалистические течения, не говоря о «буржуазных», потеряли доверие масс, не разбравшихся в тонкостях государственных соображений и стремившихся увлечь из революции непосредственные классовые выгоды. Нельзя отрицать также, что выгоды эти в значительной степени достигнуты и что поведет дальше Россию тот, кто их признает как совершившийся факт, и вновь овладеет народным доверием. Нужно также признать, что такой социальной и политической группы, которая в настоящее время добилась бы этого доверия, нет налицо. Вот почему массы, страдая от большевистского насилия и большевистской безгосударственности, тотчас же пугаются настоящей государственности, как только она приходит к ним со стороны атрибутами и особенно в старом социальном сопровождении. Военные вожди, ставшие во главе освободительной борьбы, еще могли бы преодолеть это недоверие. Но они немедленно вызывают его вновь, как только являются в сопровождении класса, который история осудила на исчезновение.

4) *Уверенность, что большевистский фазис революции все равно неизбежен не только в России, но и во всем мире.* Эта уве-

ренность с легкой руки большевиков, готовивших мировую революцию, была чрезвычайно распространена повсеместно. Было бы неудивительно, если бы такой взгляд был усвоен «пролетариатом». Но, к удивлению, своего рода фатализм грядущей пролетарской победы овладел — на время — различными группами и отдельными мыслителями далеко за пределами собственно «пролетарского» слоя. Этот фатализм приводил к складыванию рук и к покорности перед грядущим переворотом, где его ожидают.

Сила этого мотива явствуется из того, что им, между прочим, объясняется

5) *Колеблющаяся политика наших бывших союзников по отношению к большевикам.* Конечно, она объясняется также и рядом других причин, на которых я не могу теперь останавливаться: боязнь восстановленной сильной России, боязнь перед собственным общественным мнением, действительное материальное истощение и моральная усталость после долгой войны и т. д. Если бы этот фактор отсутствовал и если бы готовность бороться с большевизмом шла в уровень с пониманием его международной опасности (а теперь эта готовность отстает очень сильно), то, даже и при наличии указанных выше причин, русский большевизм был бы раздавлен раньше, чем успел организовать для своей защиты красную армию и сеть «чрезвычайек».

6) *Наше собственное разъединение.* Я ставлю эту причину прочности большевизма, которую многие склонны считать главной, на последнем месте, во-первых, потому, что она является сама последствием всех предыдущих, а во-вторых, потому, что мечтать об ее устранении, при данной стадии нашего политического развития, при глубине социального конфликта и при необходимости сохранять активность в борьбе с большевизмом, — было бы совершенно напрасно. Так как о методах борьбы, проповедуемых или применяемых разными течениями, сговориться, очевидно, нельзя, то единственный практический вывод был бы: применить в пределах *каждого* политического течения свойственные ему методы, вместо того, чтобы оспаривать методы своего конкурента и самому сидеть, сложа руки. В 1905 г. разные русские политические течения, отчасти непримиримые между собою, сумели на этом базисе сговориться и *не мешать* друг другу в общей борьбе против самодержавия. Теперь следовало бы вспомнить этот забытый прецедент и попытаться действовать против самодержавия большевиков тем же методом «врознь идти, вместе бить».

Можно ли, однако, при этом надеяться, что в будущем борьба против большевиков пойдет успешнее, чем прежде, и что они не доживут до своей четвертой годовщины?

Конечно, надежда на это есть. Она, прежде всего, основывается на том, что все перечисленные причины сравнительной прочности большевиков сводятся не к их силе, а к слабости их противников. Из причин этих нельзя изменить первую (действие истории), но все остальные уже находятся в процессе изменения под влиянием горьких и тяжелых уроков истекшего трехлетия. Массы, несомненно, вынесли из революции громадный толчок в направлении большей политической сознательности. Страх этих масс потерять приобретения революции постепенно смягчается давностью обладания и явным бессилием старого привилегированного класса вернуть себе потерянное. Во всем мире большевизм явно идет на убыль, а вместе с тем разрушаются и надежды, и страхи, созданные идеей неизбежности мировой революции. Слабеет и действие причин, вызывавших колебания правительств по отношению к большевизму. Опасность сохранения русского очага мировой заразы все более и более явно сознается культурным человечеством.

Но мало того, что слабеют причины, обессиливавшие противников большевизма. Одновременно с этим идет и ослабление причин, создававших его силу. Я свел бы те явления, которые превращают прежнюю силу большевиков в их теперешнюю слабость к следующим четырем:

I) *Утопичность их учения*, заманчивая для масс в начале, ныне, когда социальный эксперимент произведен полностью и доведен до конца, становится очевидной для всех, кроме немногих фанатиков. Всем ясно, что «декреты» остались на бумаге, а в жизни применяются формы принуждения, небывалые даже при самодержавии, ибо во времена патриархальное самодержавие не обладало государственной организацией, необходимой для систематического тиранизирования масс, а когда оно эту организацию приобрело, оно уже перестало быть патриархальным.

II) *Старая государственная инерция*, которою большевизм существовал, за отсутствием собственных конструктивных элементов, постепенно *растрочена*. Конечно, основы здоровой государственности были разрушены большевиками в самом начале. Но оставались *формы сверху и навыки снизу*. Теперь разрушено то и другое, нет аппарата власти, и исчезла привычка подчинения. Большевизм вернулся к тому периоду, когда насилие должно осуществляться не символически, а реально и непосредственно, чтобы вызывать каждый нужный для существования коллектива акт со стороны населения.

III) *Ненависть широких масс населения* достигла той высшей степени напряжения, когда даже бесполезные вспышки неорганизованного сопротивления становятся предпочтительнее пас-

сивного повиновения. Крестьяне давно получили все, что могли, а герои пролетарского переворота, рабочие, все потеряли, кроме казенной пенсии, которая заменяет рабочую плату, но реальное значение которой быстро падает с падением цены бумажных денег и расстройством продовольственного аппарата.

IV) *Нейтралитет привилегированных групп*, извлекавших пользу из большевистского режима, *возрастает*. Прежде всего, сама «коммунистическая» партия оказалась настолько переполненной некоммунистическими элементами, что только что большевикам пришлось произвести строгую перерегистрацию, видимо сократившую численность партии (вчетверо, если судить по цифре Уэльса). Красная армия, в массе, решительно не хочет воевать, переживая то же настроение, как русский фронт в 1916–1917 гг. А кадры армии живут только грабежом населения, — источник которой теперь уже почти иссяк. Большевистское чиновничество и новая буржуазия готовы перейти ко всякому более прочному режиму, который согласится их взять.

Я даю лишь сжатые выводы. Но материал, на котором они основаны, слишком известен всем, следившим за эволюцией большевизма. Не думаю, чтобы выводы эти могли быть опровергнуты даже теми, к кому они относятся.

Что делать после Крымской катастрофы?

(Извлечение из доклада П. Н. Милюкова,
принятое парижской группой партии народной свободы
27 декабря 1920 г.)

Борьба против большевиков не может кончиться с поражением русских национальных армий и с потерей русской территории. Она должна будет продолжаться до освобождения России от большевистского гнета. Примирения с большевизмом быть не может. Все это совершенно очевидные истины.

Но столь же очевидно и то, что борьба с большевизмом не может продолжаться в прежних формах. Уже одна перемена обстановки борьбы диктует коренной пересмотр тактики. Из прежних национально-русских военных центров борьба переходит, по необходимости, отчасти за границу, отчасти во внутренность России. И на место групп партий, стоявших наиболее близко к месту борьбы, приспособивших свою тактику к местным условиям, выдвигаются, с одной стороны, заграничные центры партии,